

4 ИЮЛ 1976

«МЫ ОТВЕЧАЕМ ЗА ВСЕ...»

С народным артистом СССР Е. А. Лебедевым беседует наш корреспондент

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ду-
мается, Евгений Алексе-
евич, что настала пора
подвести некоторые,
пусть предварительные,
итоги Ваших и вашего те-
атра выступлений в Горь-
ком. Гастроли заверша-
ются, и у Вас наверняка
уже сложились первые
впечатления о Горьком
театральном, о горьков-
ском зрителе. Получили
ли Вы лично творческое
удовлетворение от вы-
ступлений на берегах
родной Вашему сердцу
Волги?

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: Пер-
вое ощущение такое, что
мы выдержали творче-
ский экзамен перед
Горьким и горьковчана-
ми. Этот свой вывод я
основываю вот на чем. У
нас в Союзе есть города, в ко-
торых издавна существуют
большие театральные tradi-
ции. Горький — один из них.
Наверное, поэтому мы испыты-
ваем особые волнения и ответ-
ственность, вступая на землю
таких городов, как Горький.

Когда мы приезжаем в дру-
гой город, то невольно наблю-
даем за новым для нас зри-
телем. Нам интересно, как «ды-
шит» зрительный зал, как по-
степенно он становится «дей-
ствующим лицом» наших спек-
таклей. Хочется особо отме-
тить горьковского зрителя.
Наверное, от природы своей
горьковчане глубоко вникают в
произведение. В ходе спектак-
ля они, быть может, не так
бурно реагируют на происхо-
дящее на сцене, но уж в фина-
ле его «открываются» пол-
ностью, «взрываются», что ли.

Мы не все спектакли привез-
ли с собой. В частности, не по-
казали горьковчанам дорогих
на «Ревизора», «Три мешка
сорной пшеницы», «Дачни-
ков»... Отчасти это объясняется
техническими причинами. У
нас в театре самая оснащен-
ная в стране сцена. О ваших
же, горьковских, этого не ска-
жешь.

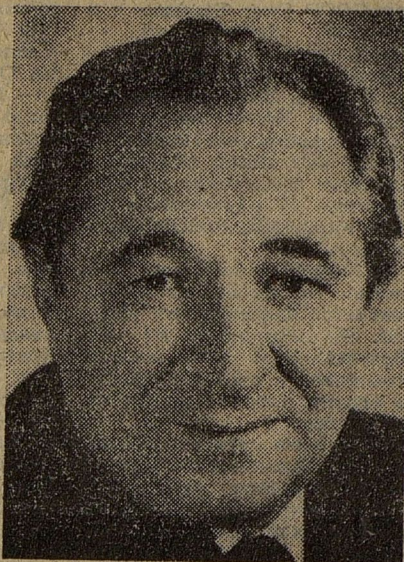
КОРРЕСПОНДЕНТ: Очень ча-
сто в интервью Ваши товари-
щи по сцене говорят, причем с
гордостью, о своем, осо-
бом творческом методе, кото-
рый отличается театр Товстоно-
гова от многих других в мире.
Не могли бы Вы, Евгений Алекс-
еевич, рассказать, в самых об-
щих чертах, рассказать читате-
лям, в чем наиболее характер-
ные признаки этого метода, как
отвечает его характеру и осо-
бенностям гастрольная афиша
БДТ?

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: Во-первых,
это формирование самого ре-
пертуара. Мы считаем, что луч-
шее в советской драматургии
не должно пройти мимо нашего
театра. Мы прочитываем все,
что есть, но отбираем из про-
читанного то, что считаем жиз-
ненно важным материалом.
Сейчас очень много пьес на
производственную тему. Но, с
нашей точки зрения, не все они
соответствуют своему назначе-
нию. Задача театра — ориен-
тироваться в этом самому и по-
мочь то же сделать зрителю.
Мы отвечаем за все, что сде-
лали, делаем и собираемся де-
лать.

Еще одна особенность ис-
кусства БДТ — умение и жела-
ние вести «разведку боем».
Зритель должен ощущать про-
блемы, поднятые в спектакле,
сопереживать героям. Он дол-
жен уходить от нас не равно-
душным, а пораженным. Для
того же, чтобы поразить его,
нам нужно самим остро чувст-
вовать все, что происходит в
атмосфере мира, страны, нако-
нец, в атмосфере зрительно-
го зала.

Это, однако, не значит, что
мы всегда выходили победите-
лями. Бывали случаи, когда мы
сняли спектакли. Но это как
бы естественный отбор проис-
ходит: «Не ошибается только
тот, кто ничего не делает».

Здесь, конечно, очень важ-
но, кто стоит во главе театра.
Нам очень повезло, что глав-
ным режиссером у нас Г. А.
Товстоногов. Я знаю Товстоно-
гова давно и могу с полной
уверенностью сказать, что это

любопытнейший человек,
который не пропускает ничего
нового. И не только в театраль-
ном мире. Иначе и быть не мо-
жет. Уровень советского театра
должен быть таким, чтобы ре-
жиссер мог реагировать не
только на узкие проблемы те-
атра, а и на широкие, казалось
бы, выходящие за пределы его
компетенции и профессии.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Уверен,
выражу общее мнение горь-
ковчан, если скажу, что каж-
дый из нас буквально потря-
сен Вашим Холстомером, той
удивительной, непостижимой
психологической наполнен-
ностью, какой Вы наплатили ис-
торию этой мудрой и много-
страдной толстовской лоша-
ди. С чего для Вас началась ра-
бота над образом, каким пу-
тем Вы шли в работе над ним? Я
понимаю, актеру лучше семь
раз сыграть, чем однажды рас-
сказать о сыгранном, но я то
задаю этот вопрос не Лебеде-
ву-актеру, а Лебедеву — ав-
тору великолепной книги «Мой
Бессеменов».

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: Книжка, о ко-
торой вы завели речь, не исчер-
пывает всего того, что проис-
ходит на сцене. В театре все
гораздо глубже, шире. Я лишь
попытался с помощью этой
книжки «сыграть» роль... на бу-
маге. Но осуществить удалось
не все. Не затронуто много вы-
разительных средств, составля-
ющих нерв, характер роли.

Теперь о Холстомере. Тол-
стой взял лошадь и наделил ее
человеческими качествами. Ему
нужно было показать тружени-
ка, русского мужика в жесто-
чайших условиях крепостного
права. Эта тема встречается у
Толстого и в «Войне и мире»,
и в «Воскресении». Но она ни-
где так свободно, широко и от-
крыто не дана, как здесь. Сам
Толстой вложил в Холстомера
свою личную боль и за Рос-
сию, и за народ. Он не отделя-
ет себя от народа, наоборот,
чувствует себя неотъемлемой,
составной его частью, разде-
ляя, сопереживая все то, что
тот переживает.

Философия, психологическая
и социальная наполненность
«Холстомера» огромны. У ло-
шади совсем неловкие мысли.
Это как бы «человек
со стороны» в нечеловеческом
облике, который все видит, все
слышит, все понимает. И до та-
кой степени, что сами собой,
непроизвольно пришли жела-
ние и потребность выговорить-
ся.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Гастроль-
ный репертуар, как, впрочем, и
роли последнего времени
представляют нам Вас как ак-
тера острохарактерного, остро-
драматического, а нередко
и трагедийного звучания. А
были времена — я имею в ви-
ду Вашу театральную моло-
дость, годы Вашей работы в
Тбилиском театре юных зрите-
лей, — когда Вы довольно часто
играли роли героического пла-
на. Павла Корчагина, Сергея
Тюленина, «секретаря райкома»
Кочета, например. Не соскучи-
лись ли Вы по таким ролям, не
хотели бы сыграть что-нибудь
подобное сегодня? Интересно
было бы узнать также, каков
вклад этих образов в то, что
мы называем, что вкладываем
сегодня в понятие «театр Ле-
бедева»?

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: Как это ни

парадоксально на первый
взгляд, но в моем Холстомере
очень много взято от Павла
Корчагина. Возьмите хотя бы
борьбу Павла за нравственную
человеческую чистоту, за под-
линно гуманистические отноше-
ния между людьми, его жад-
ное отношение к жизни... Раз-
ва не в этом суть или, как мы
говорим, сверхзадача толстов-
ского Холстомера?

Для меня всегда, во все вре-
мена важно, чтобы тема, кото-
рую ты можешь поднять, кото-
рой ты можешь «заразиться»,
была связана с Человеком, с
народом. В этом я вижу «пре-
мственность», своеобразную
эстафету моих прежних теат-
ральных работ и сегодняшней
актерской деятельности.

КОРРЕСПОНДЕНТ: Несмотря
на свою огромную занятость,
Вы, Евгений Алексеевич, как
мне рассказывали, много и охот-
но занимаетесь живописью и
деревянной скульптурой.

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: Все очень
просто. В наш слишком энер-
гичный век люди хотят в сво-
бодное время отвлечься от ос-
новной профессиональной ра-
боты. Появляются увлечения,
у всех разные, отвечающие ду-
ховным потребностям каждого.

Я — не исключение. Вся раз-
ница лишь в том, что у меня
на занятия живописью, резьбой
остается мало времени. Это во
мне подобно эмоциональному
всплеску. Чтобы что-то напи-
сать, нужно от всего отвлечься.
Тем более, что нужно написать
так, чтобы все ожило, чтобы я
сам был раним тем, что пишу,
чем живу...

В последнее время я зани-
мался Толстым. Целый год.
Очень трудной была работа над
Холстомером. Шла борьба за
Толстого. Шел поиск тех вы-
разительных форм, с помощью
которых можно было бы с глу-
боким проникновением пока-
зать суть произведения. И как
бы естественное продолжение
этих раздумий, этой борьбы —
барельефный портрет Толстого,
который, как мне говорили,
особенно удался мне.

Хотелось еще поговорить вот
о чем. Я побывал в пригородах
Горького. И меня поразило ис-
кусство резьбы: наличники
многих домов. Я думал, это ис-
кусство пропадает. Но оно про-
должается... в кирпиче потом-
ками тех, кто украсил раньше
свои дома «деревянными кру-
жевами». Это для меня доро-
го. Я даже обрадовался очень.
Если бы архитекторы строили
дома с сохранением народных
традиций, а не серые коробки,
навевающие тоску. В народе-то
существует это!

КОРРЕСПОНДЕНТ: Над чем,
кроме Холстомера, работали
последнее время в театре? Ка-
кова ближайшая Ваша творче-
ская перспектива?

Е. А. ЛЕБЕДЕВ: После «Исто-
рии лошади» трудно было пе-
реквалифицироваться на что-либо дру-
гое (верите, до сих пор еще
не «остыл» от работы над об-
разом Холстомера). Но я все
же сыграл в горьковских «Дач-
никах» роль Двоеточия. Я за-
думался: почему «двоеточие»?
Если брать двоеточие в грам-
матике, то за ним должно быть
какое-то продолжение. Навер-
ное, и у драматурга смысл в
этом. Это тот характер русско-
го человека, выпященного Горь-
ким, где бесшабашность, раз-
гул, легкомысленность не есть
что-то раз навсегда данное,
они — продолжение среды,
обстоятельств, которыми был
окружен герой. И этот образ
потребовал от меня больших
физических и духовных зат-
рат... Да что там Двоеточие,
каждая роль требует от актера
полной отдачи. Только тогда
ты получаешь удовлетворение.

Сейчас меня все чаще, все
больше посещает мысль сы-
грать человека на пенсию. Того
человека, который занимал вы-
сокое положение в обществе
и которого через год после
ухода на пенсию... забыли.
Только тогда он увидел то, что
раньше проходило мимо его
внимания, людей, которых он
не замечал. Тема Лира, не
правда ли?

Спасибо, Евгений Алексеевич,
за интересное интервью.

Беседу вел Г. КОСОЛАПОВ.